

В ярком многообразии творческой партитуры поэтессы из Новосибирска О. Киевской легко убедиться, знакомясь с этими её двумя последними книгами.

Темы, к которым обращается она в сборнике «Партитура Творца», – отчий дом, добро и зло, война и мир, рождение и смерть, высокое и вечное, любовь и непреходящие человеческие ценности, свет и тени бытия, природа... – для русской поэзии стержневые и традиционные. В их круге О. Киевская также чувствует себя комфортно и уверенно.

А начинается книга вполне ожидаемо с гражданской лирики, с поэтического осмысления процессов, происходивших в нашей стране на переломе столетий.

Каким же видит О. Киевская жизнь современной России? Да просто перевёрнутой порой с ног на голову («высокое осмеивают ныне», зато «зрит низкое себя на пьедестале»). В стихотворении «**Я в тоске от пересудов...**», где слышны отголоски широко известных «физиков и лириков», поэтесса по-своему интерпретирует их главную мысль – «что-то фи-

зики в почёте, что-то лирики в загоне». Вместо технарей и гуманитариев, которых имел в виду Борис Слуцкий, исходя из реалий своего времени, у Киевской богатым, но циничным, с мелкой душонкой лилипутам противостоят материально нищие, зато духовно богатые гулливеры. Но, увы, при остром их дефиците «миром правят лилипуты».

Что и не удивительно при растущей духовной деградации современного общества и фетишизации материальных благ, вследствие чего «забыта, как багаж, культура», «мысль обесценена», «сорвана резьба морали» («**Не души полним, а карманы**»).

Но кто всему виной, кому учинять спрос? Да собственное попустительство и виновато, полагает О. Киевская: ведь фактически сами и вырыли себе яму «банкротства бытия», и теперь «не собственники мы – заёмщики и гости. // Все блага жизни мы себе ссужаем в долг» («**Мы за врагов всё выполнили сами...**»)

Но как бы глубоко ни погрязло наше общество в грузе собственных ошибок, поэтесса не спешит предавать его анафеме, считая заблудшим, но не падшим. Тем более она убеждена в неистребимой живучести своего народа: «Пусть вершки – пропали, // Корешки остались» («**Вершки и корешки**»).

Стихи гражданственные естественным образом сосуществуют в книге «Партитура Творца» с произведениями военно-патриотическими из раздела с говорящим названием «Кровожадная птица-война». Не все они, правда, равноценны.

Взять балладу «**Сказ о Войне**». «Однажды восславив содружества мир, // Был дан многолюдный в Отечестве пир...» Не пригласили на него только Войну. Но она пришла сама и, обиженная, пыталась внушить соседям по застолью Пахарю, Борцу и Поэту свою гибельную «правду»: «В войне

завсегда побеждает Война». Однако оппоненты этой правды категорически не приемлют. Баллада символична, пронизана антивоенным пафосом. И всё же не отпускает при её чтении ощущение некой заданности. А велеречиво-риторический финал – «И в дружном порыве скандировал пир: // «Да здравствует Слово! Да здравствует мир!» // И нехотя, горьких сомнений полна // В чужие края отступила Война» – ощущение это лишь усиливает.

Впрочем, есть у О. Киевской на военно-патриотическом поле и настоящие удачи. Такие, например, как «**Баллада о матери**». Двух сыновей на глазах матери должны расстрелять. Она молит фашистского офицера пощадить их. Гитлеровец «смиловивился», согласившись одного оставить в живых на её выбор. Но выбора этого мать так и не смогла сделать, и расстреляли обоих. Мысль о единой, а не выборочной даже в самых страшных обстоятельствах, на всех своих детей материнской любви выражена в балладе настолько же чётко и однозначно, насколько возвышенно-символично и по-настоящему поэтично («Вот такой – убийственно великой, – // Может быть у Матери любовь»).

Баллада «**Война и смерть**» написана уже в другом ключе. О. Киевская рисует жутковатую сюрреалистическую картину, где две неразлучные подруги, собрав на поле брани кровавый урожай («сгребала жадно Смерть колосья, // Несла на мельницу Войны»), пекут пирог с начинкой из убиенных жертв и лакомятся им. И в обрамлении этого аллегорического сюжета неразрывное единство Войны и Смерти выглядит особенно зловещим.

А в стихотворении «**Вошь**» поэтессе хватило одной, но поистине знаковой детали, чтобы дать почувствовать читателю оборотную – гнилостную и отнюдь не героическую – сторону войны. Это – окопная вошь, убивающая солдат не в боях, а в

медсанбатах и инфекционных бараках. («Во все века кровь воинов со вкусом // Лакало Насекомое Войны»).

Заметное место в книге «Партитура творца» занимают поэтические размышления о высоком и вечном. К понятиям этим поэтесса относится неоднозначно. Как и к Божественному присутствию. В миниатюре «**Ab ov**» она задаётся вопросом: «Как может быть первичен Бог, // Когда есть Богородица?» А в стихотворении «**Боже, в меру сил моих извилин...**» такого же рода парадоксальный вопрос адресован уже непосредственно Всевышнему: «Если всемогущ ты и всемогущ, // Почему же дьявол побеждает?»

Поэтесса к Создателю не испытывает особого пиетета. Более того, разделяя известный шекспировский постулат «вся жизнь – игра», она с иронией оговаривается, что главный игрок и одновременно кукловод в ней сам Бог, ибо даже поэт, который «живёт и пишет в тщеславии большом», не подозревает, что «Господь, подёргивая нитки, // Играет с небес его карандашом». («**Людские игры...**») Хотя, с другой стороны, делает О. Киевская ещё одну оговорку, игра – лишь часть жизни, сама же «теорема бытия», безмерно сложнее и не имеет универсального решения. Но тем и привлекательна, что постоянно подвигает искать ответы на вечные вопросы о смысле и путях человеческого существования, о противоречивой его природе.

«Два волка в нас живут – Добро и Зло...», – начинается одноимённая миниатюра. И в их «пожизненной борьбе» «тот побеждает волк, // которого ты регулярно кормишь». Мысль, в целом, бесспорна. Смущает, однако, то, что оба диаметрально противоположных начала подводятся под единый знаменатель: у Добра и Зла получается одинаково «волчий» оскал.

Тему Добра и Зла, морального и нравственного выбора продолжает стихотворение «**Два ангела**». Чёрный и Белый ангелы, спустившись с небес на плечи беременной женщине, уговаривают её: один – избавиться от ребёнка в утробе, поскольку она «милого жарко любила, // Но не желала дитя»; другой – оставить ребёнка, так как «от праведной жизни иль блуда, // Но жизнь есть великое чудо». В результате преодоления душевных мук, справившись «с демонами зла», женщина спасает зародившуюся в ней жизнь и «свою многогрешную душу».

А вот мамочка в монологе «**За рождение!**», похоже, вняла уговорам Чёрного ангела. Но особый драматизм этой ординарной, в общем-то, ситуации (сколько в мире женщин ежедневно решается нарушить – одну из важнейших Божеских заповедей – «не убий!») придаёт не сам факт случившегося, а способ его подачи. Монолог ведётся от лица не родившейся дочери героини, которая рассказывает матери-убийце о своём внутриутробном развитии. Из-за жестокого материнского равнодушия ей не суждено увидеть белый свет, но она успела обрести человеческие черты, ощутить жажду жизни и проникнуться любовью к той, в ком началось её существование. И тем сильнее её трагическое недоумение:

*...Ты знаешь, мама, я с тобой сроднилась.
Я так стремилась, так хотела жить!
Не понимаю, как же так случилось,
Что ты меня задумала убить?*

*...Спаси меня! Нет, ты меня убила.
Так буднично и просто. Невзначай.
Я знаю, ты меня бы полюбила.
Родись я только. Мамочка, прощай!*

Оригинальное по форме, стихотворение это отличается ещё и поистине прожигающим эмоциональным накалом.

О безжалостности равнодушия напоминает нам и короткая, но ёмкая по смыслу поэтическая притча **«Паучиха»**. Повинуясь великому инстинкту продолжения рода, «томимая жаждой желанья», свила паучиха в укромном тёмном углу своё будущее брачно-семейное гнездо. Но пришёл дворник и смёл его «равнодушной метлой». Что в жизни очень часто и случается. Созидаем, лелеем, трясёмся над своими творениями, а потом появляется некто смотрящий за «Порядком» и уничтожает всё, что в него не вписывается.

Суть же притчи О. Киевской **«Порою в личной слепоте...»** в том, как важно понимать друг друга. Глухой со Слепым рассуждают о красоте. Один её видит, другой только слышит. У каждого сообразно этому своё о ней представление. «А сзади, всхлипывал Немой // С кричащими глазами», – заканчивается стихотворение. Мораль очевидна. Если Слепой с Глухим в своих рассуждениях о красоте как бы дополняли друг друга, то Немой просто не мог выразить своё мнение в слове. Были, однако, у него ещё и «кричащие глаза», которые Слепой с Глухим, увлечённые собой, попросту не заметили.

В стихах, обращённых к вечным темам и проблемам человеческого бытия, просматривается явное тяготение О. Киевской к аллегоричности, притчевости, которые становятся одной из характерных черт её поэтики.

О. Киевская – многогранная поэтесса. Но главным предметом её стихотворчества остаётся любовь. С интимной лирикой поэтесса входила в литературу и на этом направлении достигла, пожалуй, наибольших успехов.

В понимании её лирической героини любовь – многомерное, неоднозначное, а то и противоречивое состояние («любовь – восторг, любовь – недуг»). И вечно неуголённое

желание, возвышенное которого нет, прекраснейший напиток, которым, увы, «впрок нельзя напиться». В философском же плане – это некий божественный заменитель вечности («Вечности взамен // Бог дал Любовь для продолженья рода»), своего рода камертон и константа человеческого бытия.

А ещё любовь – игра, определяющая в стихах О. Киевской взаимоотношения мужчины и женщины, по аналогии с «Игрой престолов» этакая «игра полов», где лирическая героиня то жертва, то захватчица, то победительница, то побеждённая. Эту нескончаемую игру поэтесса сравнивает в стихотворении **«Кто кого»** с перетягиванием каната. Силы, в общем-то, равны, но ради сохранения любви лирическая героиня готова поддаться и пойти у любимого «на поводу». А то и демонстративно капитулировать («перепета тобой, переиграна»), как в стихотворении **«Влюблена, пленена, низложена...»**, не чувствуя себя при этом фактически побеждённой, поскольку сама себе предопределила сей сладкий плен.

«Страстный непокой» – вот нормальное состояние лирической героини О. Киевской. Ей не в диковину «играть с огнём» и жить «на грани можно и нельзя». Она обожает «прелесть риска». И ей «по сердцу опасная игра, // В которой нет – ни завтра, ни вчера» (**«Ты высоко, мой милый, мой желанный...»**) Потому и отношения с возлюбленным для неё бывают как «сердцу молчаливый приговор», с другой же стороны – «высшая смертельная награда». А в объятиях опытного охотника за женскими сердцами (**«Я говорю вам строго...»**) владеет ею удивительное – хоть и страшное, но и сладкое одновременно – ощущение жертвы в лапах хищника:

*В укусах страсти лишь вздыхаю хрипло,
Качаюсь на слабеющих ногах...*

И чувствую, что всё-таки погибла.

Но сладок привкус крови на губах.

В любовной игре героине О. Киевской претит, пожалуй, только одно – бездушный холод. Он для неё страшнее и опаснее всего. Так, драма, походя сломанной любви в стихотворении **«Дождями жар июльский сбит...»** потому и случилась, что за привлекательным «фасадом» возлюбленного крылась душевная пустота («А ты — мучительно красив, // И так мучительно бездушен»). Нечто подобное происходит и в стихотворении **«Как две свечи, мы вспыхнули когда-то...»**:

Себя вы сберегли, недолго тлели,

Не подарив ни света, ни тепла.

Во мне же слёзы горькие кипели,

Расплавили, сожгли почти дотла.

Лёд и пламень, сжигающая страсть, огонь души и сердечный холод – мотив многих стихов О. Киевской. И все они пронизаны мыслью, что любовь и холодный рассудок несовместимы, а «в здравых рассужденьях о любви // Преуспеваает тот, кто сам не любит». Более того, поэтесса даже настаивает на том, что любовь – это род безумия:

Сойди с ума, ревнуй, заставь тонуть

Во тьме твоих зрачков непоправимо.

Безумие – вот истинная суть

Большого чувства.

Я пойму: «Любима».

«Как мудро говорит мой визави...»

Сама же лирическая героиня О. Киевской – натура страстно-пылкая, чувственная, полная душевного огня. «...Я – страстей клубок», – заявляет она в стихотворении **«Я – Жозефина»**. Не находится в ней места эгоистично «взлеле-

явному равнодушию». Зато важна любая мелочь в любимом человеке – даже его «дыханье», которое она после свидания «домой торжественно несла» («**Воздушный шарик**»). И она не созерцательница любовного процесса, а активный и полнокровный его участник. В чём легко убедиться, прочитав хотя бы стихотворение «**Люби меня, люби...**»:

*Люби меня, люби. Мне поцелуя – мало.
Люби меня в ночи, люби при свете дня,
Чтоб сладко поняла, чтоб горько осознала:
Никто и никогда так не любил меня.
Люби меня, люби – то холодно, то страстно,
На россыпь ласк твоих уже запрета нет.
Прижми к своей груди бесповоротно властно.
Заполни собой. Затми весь белый свет...*

Полная самоотдача любовному чувству и душевная обнажённость лирической героини как раз и «провоцируют», такой вот поистине оргазматический финал любовной игры.

Вместе с тем лирическая героиня О. Киевской – натура своенравная и противоречивая, о чём открыто и предупреждает:

*Мужскою властью дорожу,
Но честно предостерегаю:
Я от постылых – ухожу,
А от любимых – убегаю.*

(«**Одалиска**»)

А в стихотворении «**Катастрофа**» с пафосом декларирует: «Я – женщина!» – Но тут же спешит уточнить, что она за женщина: – *Опасная стихия. // Во мне замес всех ангелов и бестий, // И я покруче всех стихийных бедствий... И мне подходит имя – КАТАСТРОФА*».

«Я – многолика», – подчёркивает поэтесса в одноимённом стихотворении главную, пожалуй, особенность своей

лирической героини. В том её и самобытность, и прелесть. Но и сложность для возлюбленного, не знающего, как к этой многоликости относиться. Рецепт же, полагает автор, прост: «Люби, какая есть».

Позиционируя любовь как игру, О. Киевская моделирует собственную реальность, (как того игра и предполагает), где первостепенное внимание обращено не к сложившимся уже чувствам и отношениям, а их предтечам. Это не совсем в традициях поэтического реализма, но вполне в духе стихотворцев «серебряного века» (от Блока до Ахматовой и Гумилева), чьи мотивы и отголоски слышны и в поэзии О. Киевской.

Интимной лирике О. Киевской присуще откровенно женское начало со свойственным ему мироощущением. Естественно, что и особенности женской природы поэтессе удаётся подмечать зорче и точнее. Но и о мужчинах у неё немало любопытных, опять же, чисто женских наблюдений. Вот как видит она, к примеру, соподчинительную связь мужчины и женщины в стихотворении **«Нет ничего опаснее мужчин...»** С одной стороны, «мужское сердце – нищего сума, // Да только слух волнует обещанье», а с другой, и женщина не хуже крыловского кота Васьки «слушает да ест», поскольку «самый благодарный мой девиз: // «Всех соблазнив, никем не соблазниться!» Не менее остроумно о той же двуполой связке О. Киевская говорит в стихотворении **«Кто такой мужчина?»**: если «мужчина – «победитель», «грозная машина подавленья», то «женщине положено сдаваться», ибо «сущность женская – горизонталь». Но тут же автор полушутливо предостерегает: мужчина-танк рискует напороться на женщину-мину.

От женского начала в своей лирике О. Киевская не только не отрешивается, как некоторые её коллеги по перу и полу, но и отстаивает: «Но даже рифма... бывает женской и мужской», и «женщиной является к нам Муза», – напоминает она.

По большому же счёту, О. Киевская убеждена в равенстве женского и мужского начал («а попристальнее глянь – равноценны Инь и Янь»). Потому и заявляет:

*Поэты, присягаю на крови,
Как яркий представитель женской нации,
В поэзии, работе и любви
Я – против половой дискриминации!*

Тем же, кто всё-таки пытается делить поэзию по половому признаку, она отвечает: «поэты все – гермафродиты», а поэзия «всегда – обоюпола». С чем трудно не согласиться. Женщина и в самом деле наравне с мужчиной способна чувствовать, мыслить, творить, что, собственно, О. Киевская большинством своих поэтических произведений и подтверждает. Обладая развитым художественным воображением, она умеет находить каждый раз свежие краски, образы, новые повороты лирического действия, «цепляющие» читательское внимание.

Взять старую, как мир, коллизию расставания влюблённых. В образно-поэтической интерпретации О. Киевской («**Зеркало**») она весьма небанальна. Возлюбленный ушёл к другой – и лирическая героиня ему вослед «глаз твоих проклятое клеймо // С памяти стираю осторожно, // Словно отражение с трюмо». В стихотворении «**Она ушла и не вернулась**» противоположная ситуация, драматизм которой отображает уже целая россыпь красивых оригинальных образов. Возлюбленная ушла, и «на часах две стрелки стали – подобием секир». Графически и зрительно чёткий образ этот хорошо подчёркивает психологическое состояние героя стиха. Примером удачной аллитерации могут служить строки этого же стихотворения: «Добротной вязью византийской // Вязали по рукам». Очень живописны здесь и «арабески танцующих стрекоз», которые «изящно висли» «над букетом роз», и «в глазах фиалковых» которых «метался потусторонний свет».

Впрочем, О. Киевская не всегда тяготеет к образности непременно красочной, живописной. Куда важнее для неё, чтобы образ чётко и внятно доносил поэтическую мысль. И, оказывается, обычный кусочек масла может выразить её нисколько не хуже, чем какая-нибудь цветистая метафора. Как и происходит это в стихотворении «**Сопернице**». «Скользнуло счастье кусочком масла // В чужую чашу, в чужую кашу». Но, предупреждает соперницу лирическая героиня, масло чужого счастья, оказавшись в чужой тарелке, может оказаться прогорклым.

Однако и метафоры в поэтике Киевской играют далеко не последнюю роль. Скажем, стихотворение «**Схожу с ума, рассудку изменяя...**», вполне возможно, не вышло бы за рамки банального перепева традиционного в интимной лирике мотива «я от любви схожу с ума», если бы в основу конструкции этого произведения поэтесса не положила череду метафорических сравнений, прекрасно передающих высочайший эмоциональный накал и пограничную страсть любовного чувства.

Не прочь поэтесса поиграть и глобальными метафорическими образами. В стихотворении «**Гляжу в окно на звёздное кружение...**» любовная драма двух антиподов разворачивается в интерьере ночного звёздного бытия. «Не встретимся. Мы – разные планеты, // С безжалостных орбит нам не сойти, – убеждена лирическая героиня. Но даже если и случится невероятное, то всё равно: – Ты можешь стать причиной катастрофы, // Но Спутником не станешь никогда». И в продолжение темы любовной несовместимости поэтесса с чеканной афористичностью скажет: «Есть звезда под названием «Я» // Есть звезда под названием «Ты», но «нет звезды под названием «Мы». (**«В диадеме земной бытия...»**)»

В арсенале художественных приёмов О. Киевской имеется и такой весьма эффектный, как неожиданные или парадок-

сальные концовки, благодаря которым многие её стихи превращаются в искромётные поэтические новеллы. В одной из них («**Мой друг, себе в угодую...**») лирическая героиня клянётся, что не посягнёт на свободу возлюбленного, не потребует взаимопонимания и восполнения душевных затрат. Но... взамен просит она в финале: «Позволь одну лишь малость – // Покой твой унести». Чем, по существу, дезавуирует свои обещания, ибо свобода без душевного покоя мало чего стоит. Традиционное противостояние *его* и *её* видим мы и в стихотворении «**Догадка**». Всем *он* хорош, в нём «есть всё: и соль, и мёд». Но, заключает лирическая героиня, одного не достаёт *его* «строптивной гордой шее — // Петли // Моих сплетённых рук».

Лирика О. Киевской очень разнообразна. В том числе ритмично, интонационно. Поэтесса охотно пробует себя в разных поэтических параметрах. Одинаково комфортно ей и в жёстком каркасе сонета, и в фольклорной стилизации, и романсовой стихии. Может заговорить она от лица противоположного пола. А то и устроить диалог между *ним* и *ею*. Поэтессе также не составляет большого труда окунуться, например, в атмосферу светских балов XIX столетия...

Формальным поискам О. Киевская уделяет серьёзное внимание, и в любовной её лирике они, пожалуй, особенно заметны. Поэтесса экспериментирует, то словом играя, то рифмой... Но не забывает при этом о гармонии формы и содержания. Благодаря чему и достигает желаемого художественного эффекта.

Как, например, в стихотворении «**А я хотела – чтоб любили**», где использован такой весьма экзотический способ рифмовки, как глагольный моноритм, который усиливает и подчёркивает проходящую рефреном мысль произведения – «а я хотела, чтоб любили». Лирической героине мало, чтобы

её «зачали и родили», «растили и лепили», «воспитывали и учили», друзья «честно льстили» и клялись в верности, «мужчины ласково манили», а поэты-коллеги «венком лавровым наградили». Больше всего этого вместе взятого необходимо ей для душевной устойчивости и самодостаточности – «*чтоб любили*».

Бывает, что в экспериментаторском запале О. Киевская смешивает в одном флаконе ингредиенты и вовсе, на первый взгляд, трудно сочетаемые. Так, в стихотворении «**Заблудилась в первый раз...**» фольклорная стихия соседствует с лингвистической терминологией, а сам этот коктейль приправлен ироническим соусом. Героине стиха никак не удаётся найти способ выражения возлюбленному своих чувств («где глагол горячий взять, // Чтоб допечь его?»), а тот, в свою очередь, никак о них не может догадаться:

*Жажду я пьянящих встреч,
Словно гость – вина,
Но его прямая речь
Очень косвенна.
Поцелуй его, как дым,
Стал автографом,
Криптограммой, золотым
Иероглифом.*

В итоге – весело, остроумно, озорно. И показательно. В том смысле, что дело не в ингредиентах как таковых, а в способностях и фантазии поэтического «бармена» приготовить оригинальный стихотворный коктейль.

Иронией окрашены многие поэтические произведения О. Киевской. Ироничность становится ещё одной заметной и важной чертой её поэтики, действенным средством художественной выразительности. Но создаёт поэтесса и

самостоятельные в жанровом отношении иронические миниатюры, эпиграммы, сентенции (в книге они составляют раздел «Эпи...граммы, эпи...тонны»), где насмешливо и колко рассуждает о жизни, любви, творчестве и даже вечных проблемах бытия.

Лирическую поэзию трудно представить себе без произведений о природе. В книге «Партитура Творца» они занимают не меньшее место, нежели интимная лирика. Но, как и о любви, писать о природе со временем всё труднее. Усиливается «сопротивление материала»: ведь только ленивый не пытался воспеть непреходящую её красоту, рассветы и закаты, лунные и звёздные ночи, капризы погоды, поля, леса, реки и горы... И сказать обо всём этом что-то новое и по-новому становится сложнее и сложнее. А вот О. Киевской это, как правило, удаётся.

Значительная часть её стихов о природе традиционно посвящена временам года. И каждое подаётся в оригинальной художественной упаковке.

Зима предстаёт у поэтессы то в образе вышивальщицы за пальцами, «ледяной иглокою» создающей чарующий зимний пейзаж («**Вышивальщица-зима**»), то в облике «леди Зимы», что «с улыбкой идёт ледяною», а за ней спешит ею же «вскормленный клан: // Гончие вьюги, цепные метели, // «Борзый буран» («**Мёрзнут берёзы студёной порою...**») В зарисовке «**Зимний воздух хрупок, звонок...**» морозное утро «жжёт острее перца «чили», а люди похожи на «зябкие моллюски», которые «прячут в раковины шуб // Тел напрягшиеся сгустки // И сирень замёрзших губ».

Смену времён года О. Киевская передаёт уже в колоритных жанровых сценках. В одной («**Неотразимая зима...**») для вступления в свои права зима бьётся на дуэли с осенью –

«осенний выстрел холостой! // Готовьте шубы, секунданты!». В другой («**Зиме – конец. Беглянку к стенке...**»), наоборот, уже сама зима повержена идущей ей на смену весной — «зима расстрелянной дворянкой // Осела в слякотную грязь». А в стихотворении «**Это ж надо такому случиться!..**» момент перехода осени в зиму изображён поэтессой и вовсе экзотично – осень «рыскала рыжей волчицей», но однажды студёной тьмою «ощенилась брюхатая осень // Недопеском по кличке «Зима».

Картины природы в разные времена года у О. Киевской импрессионистичны и находятся иной раз на зыбкой грани яви и волшебства, очень точно, впрочем, подчёркивающей состояние человека, который настолько тонко воспринимает окружающий мир, что способен даже ловить «душой промозглый скрип замочных скважин» («**Январь простуженный охрип...**»).

Тему времён года продолжают «весенние» стихи. И тоже со своими красками, образами, сопоставлениями. Так, жизнерадостная картина весеннего пробуждения природы в «**Птичьем базаре**» передана через птичий гомон («Пернатые купцы не поскупились — // Хвалу воздали чуду мирозданья; // И высотой полёта расплатились, // И звонкою монетой щебетанья»). Но, оказывается, середину весны можно, как в зарисовке «**Апрель**», связать (что тоже весьма необычно) и с полиграфическими ассоциациями («морось катится курсивом // По страничной полосе», или «мальчик – ласковый апрель // Лёгкой свежести весенней набивает нонпарель»).

Пейзажи О. Киевской наполнены сочными образами, красками, запахами, звуками. Она умеет видеть, слышать, осязать природу в тончайших оттенках её бытия. Поэтессе хватает нескольких образных запоминающихся мазков, чтобы нарисовать выразительную картину либо летнего дня –

«отстучали морзянку» дятлы, «жаворонки... всё ванильное суфле облаков склевали», а «забияка-небосвод // Бьёт в моё оконце // И мечтательно сосёт // Карамельку солнца» (**«Позабыла я о сне...»**), либо ветреного дождливого вечера – «Весь вечер ветер клёны гнул, // Низвергнув клевер на лопатки, // И одуванчиков задул // Светлоголовые лампадки» (**«Пора дождливая полна»**)...

О. Киевскую при этом не смущает, что ей приходится идти порой по накатанному до блеска предшественниками пути. Так, чьё только стоило со времён Тютчева не изображало огнеликую грозу! Отважилась и О. Киевская. И сумела не повториться, явив свой «грозовой» пейзаж, где «мгновенно неба скорлупа // Покрылась трещинами молний» (**«Гроза»**), и грохот грома похож на выстрел из гигантского ружья, дуло которого упирается в «серебряный висок» луны (**«Горит закат зловеще...»**)

Ещё более впечатляющая картина запечатлена поэтессой в стихотворении **«Отцвёл заката розовый вереск...»** Лирическая героиня не может сомкнуть глаз на берегу реки, «брюхатой ночи наблюдая нерест», мечущей как «раненый лосось» звёзды:

Торжественно задумаюсь о чуде.

Вода и небо намертво слились:

Икра мерцает в царственном сосуде –

В ней жизни свет и Будущего жизнь.

В стихотворении **«Кто подтянул повыше у берегов ботфорты?..»** картина предутренней поры настолько же космогонична, насколько и эротична. Приход рассвета, его овладение ночью ассоциируется здесь с лишением девственности девушки, которая хоть и страшится того, что должно произойти, но внутренне, как к неизбежному, уже готова:

*Девственность ночи будто выдана на закланье,
Я наблюдаю в страхе выросшее желанье.*

*Шёпот любовный, томный вдруг различают уши,
Гордо восстал в тумане грозный рассвет набухший.
Он к своему блаженству мерно дорогу точит,
И раскрывает дерзко тесные створки ночи,
И заполняет туго жаждущее ущелье,
Бойко кровавит небо и, замерев у цели,
В небе рождает вспышку дьявольского восторга,
В ночь изливаясь щедро – многоголосьем Лорки.*

Читая стихи О. Киевской, не перестаёшь удивляться богатству и изощрённости её фантазии. Поэтесса может витать в космических высях, а может ту же смену времён суток уподобить проходящему разные фазы своего развития волчонку («**Утро – словно беззубый волчонок...**»), который утром «ждёт рожденья молочного зуба», «станет вечером серым по масти», а в завершение этой своеобразной эволюции «ночь ощерится хищным оскалом». И уж совершенно неожиданным образом «воспалённый небосвод» звёздного неба оборачивается нёбом больного ангиной человека, «на шершавом языке» которого «луны таблетка» («**О, воспалённый небосвод!**») К «медицинской» образности прибегает О. Киевская и в стихотворении «**О, сколько человечьих черт...**» У небосвода, «съевшего» в конце дня «цитрус солнца на десерт», «аллергический закат // На скулах проступает», «зудящей сыпью мелких звёзд // Покрылась кожа ночи».

Завершает свой экскурс по временам года О. Киевская осенними этюдами, в которых очередной раз убеждает нас, что для передачи любого состояния природы у неё найдутся свои, не заёмные слова и краски.

Заметное место в книге «Партитура Творца» составляют поэтические размышления автора о таинствах поэзии и

творческого процесса. Свои стихи О. Киевская уподобляет «неистовым птицам», которые она отправляет искать «истины зерно». Рождение их – всегда таинство, поэтому «не найти в душе ответа, // Как рождаются слова».

О неисповедимости путей рождения поэтических строк говорит и баллада-притча «**Сновиденье**». Приснилась поэтессе бродяжка-нищенка. Переночевала у неё, отдохнула и засобиралась дальше. А на вопрос о её имени ответила – Муза. Проснувшись, поэтесса подошла к столу, и увидела на бумаге «новенький стих, // И название ему «Сновиденье».

Баллада «**Две сестры**» посвящена уже единству противоположностей двух родных литературных сестёр. Они идут «по родимой стороне», и народ на их вечном пути «порой влюблялся – в ту, // Ну а порою – в эту»:

*Одна восторженной была,
Ну а другая – строгой.
Одна доступною слыла,
Вторая – недоτροгой...*

*Шли сёстры, плача и смеясь,
Сквозь тернии и розы.
Одна – Поэзией звалась,
Ну, а другая – Прозой.*

О. Киевской дóроги обе, тем более что объединяет её с ними кровное родство со Словом. Но всё же истинной религией, которой она готова присягать, давно и навсегда стала «литературная сестрица» Поэзия.

О. Киевская с пиететом относится к собратьям по перу, славит «тайнопись поэтов» и не испытывает к ним болезненной ревности. Они, конечно, все разные. «Кто пишет лучше, кто острее...», одни – «трепетный короткий вздох», другие

– «величественный выдох». Но каждый достоин внимания и уважения. Талантливые поэты – вне наций, «партий и ориентаций». Объединяет же их, по мысли О. Киевской, то, что все они «родом из Творчества» и каждый, «презрев равнодушно имущество», «иметь свое **Имя** обязан» («**Имя поэта**»). Или, по Боратынскому, «лица не общее выраженье».

Размышляя о поэзии и поэтах, Киевская задаётся и таким вполне естественным для пишущей женщины вопросом – кто она: поэт или поэтесса? Не секрет, что многих стихотворных особ просто коробит, когда их называют поэтессами. У Киевской на сей счёт есть точное мерило: «Оценки творчества легки, // Ведь есть **стихи** и не **стихи**» («**Поэт или поэтесса?**») Подавляющее большинство из того, что создано О. Киевской, относится именно к **стихам**. Другое дело, что женщин, занимающихся стихотворчеством, она делит на три категории: «Автор, поэтесса и Поэт» («**Ступени поэзии**»). Место самой О. Киевской в этой иерархии, думается, посередине. До Поэта (с большой буквы) путь ей предстоит ещё неблизкий, но она уже и далеко не просто автор.

За это говорит, в том числе, и её взыскательное отношение к поэтической работе, не оставляющей места пустому тщеславию и славословию. «Не дайте славы – // Скупой отравы, // А дайте слова, // Не жду другого!», – восклицает О. Киевская в поэтическом манифесте «**Не дайте славы**», обозначая свою художническую позицию.

Впрочем, полагает О. Киевская, нерадивого безответственного стихотворца с головой выдаёт не только ничем не обеспеченное тщеславие, но в ещё большей степени качество поэтической работы:

*Стихи порою, как грехи,
Нас обличают в словоблудии.*

*Огрехи вспаханной строки
Не извиняет многотрудие.*

«Цвет стихов»

С чем невозможно не согласиться, ибо несть числа у нас косноязычной рифмованной серости, которую их творцы пытаются выдать за поэзию.

Дань уважения О. Киевская отдаёт не только собратьям-поэтам. Ведь не они одни «родом из Творчества». Ей интересен всякий по-настоящему творческий человек вне зависимости от рода его занятий – будь то искусный плотник Кузьма из поэтического сказания «**Зодчий**», или музыканты-виртуозы из стихотворения «**Ты надёжно и по праву...**»

Но самой О. Киевской ближе всего, пожалуй, живописцы. «Чту живописного искусства // Изобразительный язык» («**Живу!**»), – признаётся поэтесса, вглядываясь в картинной галерее в полотна больших мастеров.

Под их впечатлением рождаются у О. Киевской поэтические «переводы» шедевров мировой живописи – картин К. П. Брюлова, И. Н. Крамского, А. Модильяни, К. С. Малевича, М. А. Врубеля... И это не «подстрочники», чуть ли не буквально пересказывающие содержание полотен, а именно художественные переводы с языка живописи на язык поэтический, в которых не только искусно отображена работа живописцев, но и передано её восприятие самим «переводчиком». Как происходит это, например, в миниатюре «**Чёрный квадрат**»:

*Картин подобных не встречала.
В ней – мира точный образец:
И ночи чёрное начало,
И света белого конец.*

Подобно картине самого Малевича – предельно лаконично, афористично, философски глубоко, ёмко и... неожиданно.

Собранные воедино в разделе под названием «Холсты поэзии», «переводы» эти и завершают книгу «Партитура Творца»...

* * *

Особая страница в поэзии О. Киевской – детская. Для детей она пишет давно. И вот лучшее собрано, наконец, воедино и издано в «книжке для детишек» **«Карамелька солнца»**. Представлены в ней стихи разных жанров детской поэзии: потешки, считалочки, колыбельные, сказочные истории про зверушек, забавные стихи о девочках и мальчиках, стихи о природе и красоте родной земли...

К поэзии для детей обращаются многие стихотворцы, но редко кому сопутствует настоящая удача. Причины разные. И талант особый нужен, и состояние души, и нечасто встречающаяся способность взрослого человека быть своим в мире ребёнка. Но всё это у Киевской присутствует сполна.

Поэтесса тонко чувствует особенности психологии и логики ребёнка, нюансы восприятия окружающего мира. Увидев, к примеру, живую корову, городской мальчик (**«Вова и корова»**) приходит к выводу, что в деревне она голодает, так как питается одной травой, поэтому в городе ей жилось бы лучше: «Ты не знала бы диеты, ела б мясо и конфеты».

Своя «неопровержимая» логика и у малышки из стихотворения **«У кошек нету ручек и нету длинных ножек...»**, которая рассуждает: раз кошка не может сама открыть холодильник и достать себе вкусный кусочек, значит, сделать это должна она сама, её хозяйка.

Книга «Карамелька солнца» густо населена разной живностью – «зверушек тут немало»: слоны, гиппопотамы, кенгуру, львы, тигры, олени, рыси, обезьяны, кони, верблюды... И все живые, колоритные, зримые, легко запоминающиеся.

Как, например, кот-обжора из стихотворения «Жил-был кот по кличке Жора» – этакий кошачий вариант классического Робина Бобина Барабека.

Кошек и помимо него в книге немало. У Киевской они некий символ домашнего тепла и уюта. При этом каждая индивидуальна, на других не похожа, у каждой свой вид и характер и каждая «гуляет сама по себе».

Но вот что важно и существенно. Все эти звери, животные, птицы (как и в целом окружающий мир) в стихах О. Киевской увиденны глазами ребёнка, пропущены через его восприятие. Потому, наверное, рысь из одноимённого стиха в детских глазах всего лишь «большая кошка», которая «только хищная немножко», но которой, к сожалению, в случае чего «не скажешь: «Брысь!» А малышке из стихотворения «**Я баюкаю котёнка**» этот самый котёнок возмущённо отвечает: «Я не маленький ребёнок! // На меня взгляните сами, // Я давно уже с усами». С позиций детского восприятия закономерен и этот вопрос:

«Посмотри, – сказал братишка.

– Вот компьютерная мышка».

Я задумался немножко –

Где компьютерная кошка?..

«Кошки-мышки»

Своё особое мироощущение приводит ребёнка иной раз к неожиданным и парадоксальным для взрослой логики умозаключениям. В стихотворении «**На часах пробило шесть**» сын спрашивает папу, «что за зверь» время, если «оно способно встать, пролетать и уплывать»? «Значит, у него в итоге, – делает он вывод, – крылья, плавники и ноги».

Задумывается маленький человек и о самом себе. В стихотворении «**Я мамина и папина**» девочка задаётся вопро-

сом, на кого она похожа. Находит она в себе черты сходства с обоими родителями. Отсюда и ответ очевиден – «я мамина и папина». Это для взрослых очевиден, а у героини возникает сообразное с её мировосприятием сомнение: «А от кого царапина?»

Ребёнок, постигающий мир вокруг, всегда неофит. Он делает для себя открытие за открытием. Но всё им познаётся в сравнении. И этот своеобразный «сравнительный анализ» как черту детской психологии О. Киевская тоже учитывает:

*Удивляет пчёлку слон.
До чего огромен он!
Не найти ему цветка
Для такого хоботка.*

«Слон и пчёлка»

У малыша (а это у Киевской совершенно не обязательно человеческий ребёнок), не только отличный от взрослых взгляд на мир, но и своё понимание словесного смысла. В стихотворении «**Мышка-малышка**» «просит мама дочку-мышку // Сунуть градусник под мышку». Но, когда мышка-мама вернулась через несколько минут проверить температуру, то в положенном месте градусника не нашла. А оказался он у малышки под спинкой. Поняв мамино «сунуть под *мышку*» на свой лад, она градусник «под себя и положила».

А юный герой стихотворения «**Братишка**» решает уже лексическую задачу. Недавно родившегося брата назвали Рома. Но папа, глядя на него («Вон какой он великан») предложил «звать его Роман». На что мама возразила: «Мал пока он как букашка. // Будем звать его Ромашка». Вот и ломает голову старший брат, как ему называть младшего, если тот «*и цветочек... и книжка*».

На игре слов, смысловых оттенков построены многие стихи О. Киевской. Это один из её любимых поэтических приёмов.

Успешно пользуется она им и в детских стихах. Рифмует, например, ребячьи имена с созвучными названиями самоцветов («для хорошей Иры – синие сапфиры, для любимой Люды – зелень изумруда...») В результате и сам стих («**Солнечный подарок**») получается красочный, самоцветный. Как и считалочка «**Я растения люблю**», где поэтесса, применяя тот же приём, имена рифмует уже с названиями растений. А в стихотворении «**Цыплята**», обыгрывая смысловые оттенки слова «цыпки», автор прибегает ещё и к аллитерации, делая упор на повторении согласного «ц»:

Как-то раз на мокрой грядке

Промочили цыпы пятки.

И на цыпочках стоят.

Стало жалко мне цыплят.

Где им лапки просушить,

Чтобы цыпок не нажать?

Возможности детского воображения причудливы и безграничны. В чём не раз убеждает нас в своей книге О. Киевская. В стихотворении «**До чего нежна снежинка**» снежинка, словно «льдинка-балеринка села прямо на ладонь» и растаяла, а девочка решила, что произошло это от её похвалы. Праздничным предновогодним настроением окрашено стихотворение «**Зимнее утро**». Малыш смотрит в окно, любуется ёлкой во дворе и ждёт чуда. Его появления вроде бы ничто не предвещает. И всё-таки оно происходит. Во всяком случае, мальчику, так чуда ждущему, вдруг показалось, что ёлка ему приветственно «махнула лапой».

Со своим юным читателем О. Киевская старается говорить на понятном и близком ему образном языке. И вот весеннее утро в одноимённой зарисовке под её пером предстаёт в образе младенца «*в розовых пинетках*». В соответствующей стилистике написано и всё стихотворение.

Однако живописная образность, которой, как и «взрослые» стихи, насыщена детская поэзия О. Киевской, для автора не самоцель, а средство и способ внушить маленькому читателю нечто важное для его духовного формирования. Так, в изящно красивом, живописном этюде **«В розовой акварели»** автор стремится донести до ребёнка мысль о том, что всё, даже самое большое в мире начинается с малого – и крохотная капля утренней росы может стать истоком великой реки, питающей океан.

В детских стихах О. Киевской вообще достаточно силён воспитательный заряд. (Что, кстати, в лучших традициях мировой детской литературы, всегда старавшейся сеять в душах детей «разумное доброе, вечное»). И юному читателю, думается, не составит особого труда усвоить содержащиеся в книге «Карамелька солнца» нравственные уроки. Преподнесённые автором в живой поэтической форме, они не страдают ни занудной назидательностью, ни навязчивой дидактичностью.

В поэзии для детей, как, может быть, ни в каком другом поэтическом направлении, велико значение её интонационной окрашенности. Точно выбранная интонация предельно сокращает дистанцию между автором и юным читателем. О. Киевская такую интонацию сумела найти. Почти все её стихи пронизаны доброй улыбкой, задушевностью, нежностью и любовью. А если и наплывёт вдруг облачко грусти, то и грусть та легка и светла, как у девочки в стихотворении **«Поселилась в доме грусть»**, которая не может дождаться с работы маму, чтобы та быстрее приголубила дочку.

«Солнечный подарок» назвала О. Киевская одно из стихотворений. Но таким подарком детям и их родителям видится вся книга «Карамелька солнца».

Нельзя не отметить и прекрасную работу художника-иллюстратора Натальи Епихиной. Жительница посёлка Чик

Новосибирской области, она не профессиональный художник. Но ей удалось, с одной стороны, замечательно передать смысл и дух поэзии О. Киевской, а с другой – сделать книгу очень красочной (на её страницах действительно «хоровают краски»), нарядной, весёлой, тёплой. Её рисунки вызывают в памяти классические советские мультфильмы, в изобразительной стилистике которых они, собственно, и выполнены. Что ж, поэт и художник здесь, как говорится, нашли друг друга, слились в гармоничном творческом тандеме, усилиями которого и создали книгу, какой давно уже не было в мире нашей современной детской поэзии.

* * *

Так получилось, что в литературу О. Киевская, врач по первой профессии, входила, когда за её плечами было уже почти полвека прожитой жизни, однако настолько стремительно и уверенно, что дало повод одному из критиков сравнить её восхождение с вертикальным взлётом морского истребителя с палубы авианосца. А то, что за взлётом продолжается успешный поэтический полёт, достаточно красноречиво, на мой взгляд, свидетельствуют книги, о которых выше шла речь. Они как бы подводят некоторые промежуточные итоги поэтической работы О. Киевской. И в целом, несмотря на некоторые недостатки в её творчестве, вполне, впрочем, естественные для бурно развивающегося поэтического организма, итоги эти радуют и позволяют говорить о Киевской как одной из самых ярких и самобытных нынешних сибирских поэтесс и, вместе с тем, незаурядном явлении современной российской поэзии. Подтверждением тому может служить и тот факт, что в 2017 году Ольга Киевская стала лауреатом литературной премии мэрии Новосибирска имени Н. Г. Гарина-Михайловского.